

Глава 1

Англия, 1152 год

Женщина была невероятно маленькой, изящной и хрупкой, что особенно бросалось в глаза, когда она стояла перед высоким рыцарем, который по праву мог считаться настоящим великаном. Светлая головка едва достигала его плеча, и как только широкая ладонь с силой опустилась на ее щеку, худенькое тельце беспомощно дернулось. Она непременно рухнула бы на пол, не держи ее два дюжих оруженосца. Они бесцеремонно заломили ей руки, а сами предусмотрительно стояли немного позади, чтобы не принимать на себя тумаки, предназначенные даме.

Ноги несчастной подкосились, но мужчины грубо дернули ее вверх, не давая ни упасть, ни отстраниться. За первой пощечиной последовала вторая, потом третья.

Сжавшись в углу маленькой комнаты, Ровена Беллем молча наблюдала за избиением. Девушку тоже охраняли двое наемников, те самые, что притащили ее сюда. По-видимому, сводный брат наконец решил исполнить свою угрозу и преподать ей наглядный урок жестокости и насилия. Она всеми силами старалась удержаться от криков, так что кровь из прокушенной губы тонкой струйкой сочилась по подбородку. По пепельно-серым щекам струились слезы, хотя до нее брат и пальцем не дотронулся. Увиденное должно было убедить Ровену в серьезности

его намерений. Правда, девушка была в относительной безопасности, пока он не окончательно потерял терпение и старался не уродовать ее красоту синяками, которые к тому же могли послужить причиной сплетен и перешептываний среди гостей, собравшихся на свадебный пир.

Но по отношению к мачехе Жильбер д'Амбре не был так осторожен. И угрызения совести ни в малейшей степени его не терзали. Леди Энн Беллем... то есть Энн д'Амбре, вдова его отца, была для Жильбера ненужным бременем и могла послужить лишь залогом послушания Ровены. Тут он был прав: Ровена на все пошла бы ради матери. И девушка покорялась. До этого момента. На сей раз Жильбер зашел слишком далеко и требовал от нее поистине невыносимого!

Энн скосила глаза в сторону дочери. Щеки женщины побагровели и распухли от жестоких ударов Жильбера, но она не издала ни единого звука, не пролила ни единой слезы. Однако выражение ее некогда прекрасного лица было столь красноречиво, что Ровена зарыдала еще горше. Девушка и без слов понимала, что хотела сказать матушка: «Надо мной так часто издевались, девочка, что я уже успела свыкнуться. Не обращай внимания, родная. И не соглашайся на требования этого негодяя. Не поддавайся жалости».

Ровена намеревалась держаться до конца. Лорд Годвин Лайонз, человек, которого выбрал ей в мужа Жильбер, был настолько стар, что годился ей не только в деда, но даже в прадеда. А мать лишь подтвердила слухи, ходившие о старом лорде, едва Жильбер потребовал, чтобы она убедила Ровену подчиниться его воле.

— Я знаю Лайонза, — смело заявила Энн, — и он не ровня такой богатой и знатной наследнице, как Ровена. И дело даже не в возрасте, а в скандальной репутации этого человека, известного всей Англии своей извращенной и гнусной натурой. Я никогда не соглашусь на этот брак!

— Но он единственный, кто готов бороться за возвращение ее владений, — заметил Жильбер.

— Владений, которых твой отец лишился из-за своей алчности.

— Вздор! Право каждого мужчины...

— Покушаться на собственность соседа? — пренебрежительно бросила Энн, впервые за все время давая волю презрению, которое испытывала к пасынку. Правда, это чувство не шло ни в какое сравнение с теми, которые она питала к его отцу. — Нападать исподтишка и безжалостно грабить? Разорять и жечь, насиловать и принуждать женщин к браку, когда тела их мужей еще и остыть не успели? Подобные мерзости вошли в обычай лишь с той поры, как это ничтожество Стефана* избрали королем!

Жильбер залился краской, но, вероятнее всего, не столько от стыда за все, что причинил Энн отец, сколько от гнева. Признаться, он был типичным порождением своего времени. Жильберу исполнилось всего восемь лет, когда Стефан украл корону у Матильды после смерти старого короля Генриха. Тогда страна раскололась надвое. Половина баронов отказывалась признать своей правительницей женщину, другая — оставалась верной присяге, принесенной Матильде, а теперь и ее сыну, Генриху Аквитанскому. Хьюго д'Амбре встал на сторону Стефана и потому без зазрения совести убил отца Ровены, вассала Генриха. Совершив свое черное деяние, он силой заставил вдову Уолтера Беллема выйти за него замуж и тем самым в одночасье стал владельцем его богатых поместий, часть из которых должна была отойти единственной наследнице, Ровене, а остальные были вдовой частью леди Энн. Беспомощные одинокие женщины считались законной добычей и, уж конечно, не могли найти ни защиты, ни справедливости, особенно у короля, ввергнувшего страну в хаос.

В отличие от отца, грубой бесчеловечной скотины, Жильбер не был по природе жесток и, как все высокородные рыцари того времени, мог похвастаться изысканными

* Стефан Блуаский (ок. 1107—1154), король Англии. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ми манерами, когда к тому вынуждали обстоятельства, и не церемонился с простолюдинами. Главной его целью было набить сундуки награбленным золотом и жить в довольстве и богатстве. Но поскольку Жильбер семнадцать лет прожил в раздираемой распрями стране, то и поведение его мало чем отличалось от образа жизни знатных людей. Все они ныли и жаловались на слабого, никчемного короля, правление которого отличалось беззаконием и анархией, но при этом не гнушались половить рыбку в мутной водице.

По чести говоря, за все три года, прожитые Энн в браке с Хьюго, Жильбер не сказал ей и сводной сестре грубого слова и, уж конечно, пальцем их не тронул. Его считали храбрым и благородным рыцарем, а дамы так и млели при виде темноволосого красавца с темно-карими глазами, под слишком пристальным взглядом которых многие невольно поеживались. До сегодняшнего дня он не давал Ровене повода для презрения. Однако девушка ненавидела Жильбера только за то, что он имел несчастье быть сыном Хьюго. Оба постоянно вступали в междуусобицы и мелочные свары с соседями, старались извлечь как можно больше выгоды из ее земель и имений, вывезли из замков, когда-то принадлежавших Уолтеру, все сколько-нибудь ценное, отобрали даже украшения у матери и Ровены. Кроме того, семейка д'Амбре разорвала брачный контракт, заключенный еще отцом Ровены, — ведь в приданое пришлось бы отдать наследство, а так можно было беспрепятственно обогащаться, пользоваться трудом ее крепостных и каждый год требовать от вассалов семьи Беллем военной помощи.

Но в прошлом году Хьюго совершил непростительную ошибку, решив захватить замок Дервуд, находившийся как раз между владениями Ровены и д'Амбре. Уж лучше бы он осмелился разворошить осиное гнездо: Дервуд принадлежал лорду Фокхерсту, одному из самых могущественных вельмож и храбрейшему воину во всех северных графствах. Тот не только разогнал осаждавших, но не по-

ленился преследовать их до самой границы, а уж потом, исполненный жажды мести, принялся упорно разорять негодяев, посмевших покуситься на его собственность.

К сожалению, при этом пострадали земли не только Хьюго, но и Ровены. Одно за другим имения переходили в руки Фокхерста. Теперь Хьюго понял, как дорого обходятся ему жадность и слабость короля. Стефан, обремененный своими бедами, наотрез отказался помочь. И когда Хьюго два месяца назад убили в очередной стычке, Фокхерст перенес ненависть к отцу на сына, и Жильбер очутился в безвыходном положении. Напрасно он молил о мире. Фокхерст отказался даже выслушать его, что крайне озлобило Жильбера, поклявшегося любой ценой вернуть владения д'Амбре. Но цена эта оказалась слишком высока для Ровены, которую брат принуждал лечь в постель мерзкого развратника. Правда, Жильбер пообещал, что брак не продлится долго и Ровена вскоре вернется под его опеку, поскольку старый греховодник одной ногой стоит в могиле. Но главная беда заключалась в том, что Жильбер требовал от Ровены родить ребенка. Только таким способом он мог заполучить назад утраченное, а заодно и все принадлежавшее Лайонзу. На деньги Годвина он собирался снарядить войско и отобрать у Фокхерста все, что тот успел захватить.

По мнению Жильбера, план был безупречен. Не потратив ни гроша, в результате он приобретал все, чего желал, включая и Ровену. В глубине души Жильбер не стеснялся признаться, что одержим миниатюрной светловолосой красавицей, по воле случая ставшей его сводной сестрой.

Он желал ее со дня первой встречи, когда девушке только исполнилось пятнадцать. Но отец не отдал Ровену Жильберу, объяснив, что нетронутая девушка имеет куда большую ценность для будущего мужа. Впрочем, отчим и не думал выдать падчерицу замуж, и если бы не его безвременная гибель, Ровена так и осталась бы старой девой. Жильбер, со своей стороны, был достаточно умен, чтобы смириться с мыслью о том, что не будет первым мужчи-

ной в жизни Ровены. Ничего, у него хватит терпения дожидаться, когда ее будущий муж отправится в мир иной.

Именно поэтому он хорошо обращался с Ровеной, не желая, чтобы та относилась к нему с такой же неприязнью, как к Хьюго. Он страстно желал добиться взаимности девушки. Тогда она не станет противиться, когда он затащит ее в постель. Жильбер так вожделел сводную сестру, что женился бы, если бы это принесло ему земли и доходы. Но какова польза в подобном браке, если д'Амбре и без того заполучили ее владения? Как только она понесет от Лайонза, Жильбер овладеет ею и будет каждую ночь наслаждаться ее прелестями, пока не выдаст замуж вторично, чтобы вновь получить прибыль. Ну а избавиться от очередного супруга будет легче легкого. Куда труднее пробудить в Ровене ответное чувство.

Жильбер отчего-то считал невозможным выдать ее замуж против воли, хотя это было в обычаях того времени. Вероятно, он опасался, что такое насилие настроит Ровену против него. Но как ни странно, не видел ничего особенного в том, чтобы добиться ее согласия, унижая и мучая Энн. Он настолько привык наблюдать, как зверски отец избивает вторую жену, что не находил подобное наказание чем-то из ряда вон выходящим. К несчастью, Жильбер совершенно упустил из виду, что Ровена, жившая эти три года не в замке Амбре, а в крепости Кемл, не видела всех омерзительных сцен издевательств и побоев и в отличие от него не могла остаться равнодушной к происходящему. Жильбер был так уверен, что его обращение с леди Энн ничем не запятнает его образа в глазах Ровены, что понятия не имел, удастся ли такими методами заставить девушку согласиться на ненавистный брак. В запасе у него было еще немало способов сломить упрямство девчонки.

Жильбер жестоко ошибся, предположив, что Ровена так же безразлична к матери, как он был равнодушен когда-то к своей. Кроме того, он считал, будто Ровена воспримет как должное то, что рослый мужчина бьет беспомощную женщину. Но заметив, что Энн бросила на дочь

взгляд, исполненный спокойного мужества, Жильбер тоже повернул голову и оцепенел от ярости, поняв, что проиграл. Девчонка слишком любила мать. Слишком. Огромные сапфирово-синие глаза были полны слез. Она едва удерживалась от того, чтобы не упасть на колени и умолять Жильбера остановиться. И давно бы сделала это, если бы не Энн, которая недвусмысленно дала понять, что о браке с Лайонзом не может быть и речи.

В эту минуту Жильбер думал, что, пожалуй, стоило бы одурманить девчонку сонным зельем, велеть священнику совершить свадебную церемонию и подложить новобрачную в постель Лайонза, прежде чем она сумеет опомниться. Теперь же прелестные синие глаза взирали на него с таким неподдельным отвращением, что было ясно: вопреки всем надеждам Ровена никогда не восплачет к нему желанием. Что же, будь что будет. Он еще поимеет ее, и скоро!

Однако, видя, что все усилия завлечь сводную сестру пошли прахом, Жильбер пришел в неистовую ярость. Тяжелый кулак угодил в висок Энн. Та мгновенно обмякла, бессильно повиснув на руках оруженосцев.

Зато из груди Ровены вырвался странный звук, похожий на крик раненой птички.

— Нет! Не нужно, — выдавила она задыхаясь.

Не обращая внимания на Энн, Жильбер подошел к Ровене, все еще кипя от злости. Неужели он мог так промахнуться! Но теперь уже поздно.

Он бесцеремонно стиснул подбородок девушки, вынуждая ее взглянуть на него. Но даже сейчас, вне себя от гнева, Жильбер не мог причинить боль Ровене. С неосознанной нежностью он осторожно вытер прозрачные капли, катившиеся по ее лицу.

— Ты выйдешь за лорда Годвина? — хрипло рявкнул он.

— Выйду.

— И будешь при этом весела и покорна?

Несколько мгновений Ровена недоуменно смотрела на него, прежде чем взорваться:

— Тебе не кажется, что это уж слишком?!

— Ничуть. Улыбка — сущий пустяк по сравнению с теми выгодами, которые сулит невесте брачный договор!

— А разве Лайонз с чем-то не согласен?

— Нет, просто нельзя терять времени! Фокхерст пока затаился, но лишь потому, что недавно захватил Тьюэрс.

Ровена смертельно побледнела. Она давно знала, что две ее крепости, те, что находились близ Дервуда, перешли к Фокхерсту, но замок Тьюэрс был самым большим из всех принадлежавших отцу. Настоящая твердыня, и к тому же расположен куда севернее Дервуда. Там она родилась и выросла. В его каменных стенах узнала столько счастья и любви! Сейчас Тьюэрс в руках врага... нет, враги прибрали его к рукам еще три года назад, так что какая разница, кто ныне владеет замком, один мерзавец или другой? Ей, во всяком случае, уже никогда не увидать Тьюэрс, даже если лорд Годвин и сумеет отвоевать его.

Жильбер, неверно истолковав отчаяние сестры, поспешил ободрить ее:

— Не тревожься, Ровена. Лайонз безбожно разбогател, опустошая кошельки торговцев. Недаром он двадцать лет владел городом Керкборо! Каждый житель нес ему подати, и теперь его сундуки набиты золотом. Наемники, которых можно купить на такие деньги, быстро загонят Фокхерста в нору и заставят поджечь хвост! Не пройдет и месяца, как Тьюэрс вернется к тебе.

Ровена не ответила. Ей уже говорили, что по условиям брачного договора все владения, которые удастся отвоевать, вернутся не к мужу, а к ней. Но какое значение имели заверения и даже подписанные документы в это незаконное, страшное время, когда справедливость и правосудие были всего лишь пустыми словами?! Все могло перемениться только в том случае, если к власти придет Генрих Аквитанский. Но пока Лайонз, вне всякого сомнения, надеялся получить неплохой доход с земель жены. Жильбер, в свою очередь, рассчитывал в ближайшее время заполучить обратно все, чем пришлось пожертвовать, а значит, если Лайонз задержится на этом свете, де-

верь не преминет помочь ему попасть в ад. Однако Жильбер требует, чтобы Ровена прежде зачала.

Девушка вздрогнула и в который раз за последние три года вознесла молитвы Всевышнему о скорейшем возвращении на престол Генриха Аквитанского. Ее отец был вассалом Генриха. И Ровена первой присягнет новому королю. Тогда и только тогда она сумеет навеки избавиться от Жильбера д'Амбре. Сбудутся ли ее мечты?

Но Жильберу об этом знать не стоит. Пусть пребывает в блаженном неведении.

— Надеюсь, теперь моим вассалам будет позволено принести мне клятву верности, или несчастные будут слишком заняты, сражаясь под твоими знаменами?

Жильбер почувствовал, что краснеет. Отец и тут нарушил закон, по которому девять вассалов Беллема должны были ежегодно платить ей дань, несмотря на то что имения перешли к новому владельцу. Но за три года Ровена ни разу не видела ни одного рыцаря. Все это время ее держали в одной из малых крепостей Хьюго. Каждый раз, когда девушка изъявляла желание видеть вассалов, ее уверяли, что они на войне или осаждают замок, словом, находились сотни благовидных предлогов, чтобы расстроить встречу Ровены с преданными ей людьми. Наверное, они считали, что девушка давно умерла. Таким образом Хьюго легко добился их повиновения, не опасаясь, что придется отвечать на многие неприятные вопросы.

— Пятеро твоих вассалов погибли в боях с Фокхерстом, — не допуская дальнейших возражений тоном объяснил Жильбер. — О судьбе сэра Жерара, кастеляна Тьюэrsa, ничего не известно. Вполне возможно, это чудовище прикончило его вместе с моими воинами. — Он равнодушно пожал плечами, словно давая понять, что судьба Жерара его несколько не интересует.

Немного порозовевшие было щеки Ровены вновь побледнели. Она больше не посмела задать ни одного вопроса, опасаясь услышать о печальной судьбе своих васс-

салов. Кого следует винить в их смерти? Фокхерста, нанесшего смертельный удар, или Жильбера и Хьюго, навлекших на себя гнев могучего воина? Господи милостивый, когда же снизойдет мир на эту землю?

Она тихо попросила Жильбера освободить ее. Тот кивнул своим людям, и девушка немедленно устремилась к матери. Однако Жильбер поймал ее за руку и подтолкнул к двери. Девушка принялась вырываться, но силы оказались неравны.

— Дай мне побыть с матерью!

— Нет, о ней позаботятся служанки.

— Я три года не видела ее, Жильбер, — напомнила Ровена, но, как и следовало ожидать, он остался безучастным к ее просьбе.

— Когда Лайонз обрюхатит тебя, можешь делать все, что заблагорассудится.

Он снова пытается манипулировать ею, добиться своего любой ценою!

— Ты омерзителен! Хуже, чем твой подлый папаша! Он по крайней мере был просто жестоким зверем и не разыгрывал благородного рыцаря, — злобно прошипела она, вне себя от ненависти.

Пальцы Жильбера судорожно сжались, но больше он ничем не выдал себя.

— Я всего лишь забочусь о тебе!

— Лгун! Я подчинилась всем твоим требованиям, согласилась на любые условия, но если еще один раз упомянешь, что делаешь все эти гадости ради меня, я закричу!

Жильбер не стал спорить. Больше всего на свете в эту минуту ему хотелось сжать девушку в объятиях и осыпать поцелуями, ибо пламя ее ярости лишь подогревало его желание куда сильнее, чем красота. Но сейчас не время. Если Ровена придет в постель Лайонза не девственницей, тот имеет полное право отказаться от такой невесты, и тогда всем надеждам и планам Жильбера придет конец. Прощай, богатство старого дурака!

Поэтому Жильбер, поспешно отступив, приказал:
— Готовься. Сегодня мы отправляемся в Керкборо. На завтра назначено венчание.

И при первых же признаках беременности она окажется в его постели по своей воле или вопреки ей.

Глава 2

На закате маленькая процессия прибыла в Керкборо. Ворота все еще были открыты, но Жильбер направил коней к крепости, возвышавшейся над городом. Ровена восприняла багровый свет заходящего солнца, заливший высокие стены, как предзнаменование того, что она скоро окажется в аду.

Во время двадцатипятимильной поездки Жильбер считал за лучшее придержать язык, но Ровена дошла до такого состояния, когда ей было все равно, как откликнется сводный брат на брошенные ему в лицо обвинения. Пусть по закону он оставался ее опекуном, никто и ничто на свете не могло ее заставить подчиниться человеку, достигшему своей цели несправедливым путем. И если бы не мать, девушка давно нашла бы способ улизнуть и добраться до своих владений. Сегодня ненависть ее так возросла, что она вполне могла бы посягнуть на жизнь Жильбера. Но в случае неудачи матери придется плохо в руках сводного брата. Ровена не допустит, чтобы Энн страдала. Довольно она претерпела от Хьюго д'Амбре!

Теперь стало ясно, почему их с матерью разлучили сразу же после гибели отца. Если бы Энн и Ровена сумели спастись и сбежать вместе, они, несомненно, получили бы помощь от одного из влиятельных магнатов, враждебно настроенных к Стефану. Правда, Ровене наверняка пришлось бы выйти замуж за одного из них, чтобы защититься от Хьюго, но по крайней мере она имела бы возможность выбора.

Однако сейчас все это уже не важно. Она здесь и завтра ляжет в постель гнусного старикашки. Если бы только... Господи, как часто эти неотступные мысли посещали ее!

Если бы только отец не так сильно любил ее... Ровена уже в четырнадцать лет была бы женой и хозяйкой замка, подобно многим девушкам знатного рода. Ее обручили с благородным человеком. Он бы подождал с осуществлением брачных прав, пока девушка не войдет в возраст, когда сможет вынашивать и рожать детей. Но Уолтер не желал искушать жениха ее расцветающей красотой и боялся так скоро расстаться с единственной дочерью.

О, если бы только он сам не бросился в бой против армии д'Амбре, возможно, и по сей день был бы жив. Конечно, Хьюго осадил бы Тьюэрс, но еще оставалась возможность скрыться и отправиться ко двору Генриха или одного из лордов, его сторонников.

Если бы только Матильду не лишили короны... если бы только Генрих стал королем... если бы только Жильбер сдох! Но сейчас уже слишком поздно, даже если ее мечты осуществляются. Она в крепости Лайонза, попала к нему в лапы и, кроме того, дала слово выйти замуж. Даже если Жильбера не будет, Годвин непременно женится на ней, хотя бы из-за приданого.

Вне себя от отчаяния, Ровена поднялась по лестнице в парадный зал. Похоже, Жильбер не лгал, расписывая богатства Лайонза. Проходя через двор, Ровена заметила девять тяжеловооруженных рыцарей, а башни и стены кишели солдатами. В зале оказалось еще несколько рыцарей. Столы были накрыты тонкими скатертями и уставлены золотой и серебряной посудой. Даже на стенах, украшенных искусными вышивками, висело красивое, но бесполезное оружие из золота и серебра, выложенное драгоценными камнями.

Крепостные деловито сновали туда и обратно, разнося блюда. На одного гостя приходилось двое слуг, но на последних Лайонз, очевидно, не собирался тратить день-

ги. Об этом красноречивее всяких слов говорили лохмотья, грязноватые трясущиеся руки и затравленные взгляды. Очевидно, они смертельно боялись, и не зря: не успела Ровена дойти до возвышения, где восседал Лайонз, как на ее глазах трем слугам без всякой причины отвесили подзатыльники, а четвертого избили так сильно, что бедняга рухнул на пол и остался недвижим.

Ровена в страхе замерла, но Жильбер нетерпеливо подтолкнул ее. В этот момент рыцарь, pinaвший упавшего слугу, заметил, что за ним наблюдают, и приветливо улыбнулся девушке. Ни смущения, ни раскаяния. Он просто улыбнулся.

Ни для кого не было секретом, что в отсутствие дам мужчины ведут себя немногим лучше животных. Но здесь находилось немало женщин, вероятно, жен рыцарей, служивших у Лайонза. По-видимому, никто не обращал на них особого внимания, что яснее ясного говорило о характере человека, за которого ее собирались выдать замуж. Справедливо подмечено: каков хозяин, таковы и слуги.

Ровена старательно отводила глаза от хозяйского стола, оттягивая насколько возможно решающий момент. Но Жильбер остановился и стиснул ей руку. Девушка была готова ко всему, однако при взгляде на владельца Керкборо едва не закричала, охваченная невыразимым ужасом. Она невольно попятилась, и пальцы Жильбера больно впились ей в кожу. Действительность превзошла ее худшие ожидания. Восседавший во главе стола старик походил на живой труп: нездорово белая, как у гусеницы, кожа, испещренная глубокими морщинами, седые реденькие волосенки и согнутая под бременем лет спина. Он так горбился, что, встав, оказался не выше Ровены. Яркое шелковое сюрко*, отделанное по вороту и проймам дорогим мехом, отнюдь не украшало его, наоборот, он выглядел еще смехотворнее и уродливее. Белки глаз отливали желтизной, один зрачок закрывало бельмо. Выяснилось,

* Сюрко — средневековое одеяние без рукавов.